

с. 2.

ВЪ ПРОВИНЦИИ.

Александровская тюрьма на Сахалинѣ. — Общія камеры. — Кандальная. — Золотая ручка. — Бывшій гвардейскій офицеръ Л.—Гигиеническое состояніе тюрьмы. — Система общахъ камеръ. — Майдашикъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Русск. Мысли“ г. Чеховъ продолжаетъ описаніе острова Сахалина. Все тѣ же мрачныя картины, которыя выступаютъ еще рельефнѣе, благодаря сухой, протокольной манерѣ письма автора. Онъ какъ будто боится, чтобы его рассказъ не былъ принятъ за фантазію, за преувеличеніе, и пишетъ только о томъ, что видалъ, ограничиваясь въ другихъ случаяхъ лишь передачею голыхъ цифръ.

Въ дальнѣйшихъ главахъ идетъ рѣчь о каторгѣ и каторжникахъ на Сахалинѣ. Александровскую осмысленно-каторжную тюрьму г. Чеховъ посѣтилъ вскорѣ послѣ пріѣзда. Это — большой четырехъ-угольный дворъ, огороженный шестью деревянными башнями казарменнаго типа. Ворота всегда открыты и около нихъ ходитъ часовая. Двери у всѣхъ корпусовъ также открыты. Изъ дверей вездѣ входитъ въ небольшой корридоръ, по бокамъ котораго общія камеры. Надъ каждою камерою черныя дощечки съ бѣлыми надписями: „Камера № такой-то. Кубическаго содержанія воздуха столько-то. Помѣщается каторжниковъ столько-то“.

— Смирно! Встать! раздается окрикъ надзирателя.

Г. Чеховъ входитъ въ камеру. Помѣщеніе просторное. Много свѣта. Окна открыты. Стѣны некрашенныя, съ лакомъ между бревенъ, темныя; свѣтъ только одинъ голландскій пе-

чи. Полъ деревянный, некрашенный. Вдоль всей камеры, посрединѣ, тянется одна сплошная нара, со скатомъ на обѣ стороны, такъ-что каторжные спятъ въ два ряда, головами вмѣстѣ. Мѣста не нумерованныя, и потому на нарахъ можно помѣщать семьдесятъ и сто семьдесятъ каторжныхъ. Постелей совсѣмъ нѣтъ, и спятъ или прямо на доскахъ, или подстилаютъ подъ себя старыя мѣшки, свою одежду и всякое гнилье. На нарахъ лежатъ шапки, обувь, кузочки хлѣба, цѣлыя бутылки, сапожныя колодки подъ ногами — сундучки, грязныя мѣшки, узлы, инструменты и разная ветошь. На стѣнахъ висятъ одежда, котелки; на полкахъ — чайники, хлѣбъ, ящички съ чѣмъ-то.

Таковъ внѣшній видъ общей камеры, гдѣ живутъ относительно свободные арестанты. Они не носятъ кандаловъ, могутъ выходить днемъ изъ тюрьмы безъ конвоя, не соблюдаютъ однообразія въ одеждѣ, и т. д. Подолѣдственные, недавно возвращенные съ ѣговъ и временно арестованные сидятъ подъ замкомъ, въ особомъ корпусѣ, который называется „кандалною“. Самая употребительная угроза на Сахалинѣ: „я посажу тебя въ кандалную“. Входя въ это страшное мѣсто стерегутъ надзиратели.

Гремятъ инаяжъ замокъ, громадный, неужоужъ, рассказываетъ г. Чеховъ, — нини входимъ въ небольшую камеру, гдѣ помѣщается человѣкъ двадцать, недавно возвращенныхъ съ ѣговъ. Оборванные, немые, въ андалахъ, въ безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками, ян какъ будто отошланы и обѣзаны, отя глядятъ бодро. Одна половина цѣловъ вздохмачена, а дру-

гая, бритая, начинается заростать. Постелей въ кандалной нѣтъ, и спятъ на голыхъ нарахъ. Въ углу стоятъ „парашка“, и каждый можетъ совершать свои естественныя потребности не иначе, какъ въ присутствіи двадцати свидѣтелей.

Есть камеры, гдѣ сидятъ по двое, по трою, есть и одиночныя. Тутъ встрѣчается не мало интересныхъ людей. Между прочимъ, г. Чеховъ описываетъ извѣстную Софью Блювштейнъ, — золотую ручку. Она осуждена за побѣгъ изъ Сибири на три года въ каторжныя работы. Это — маленькая, худенькая, уже обѣдѣющая женщина, съ поматымъ старушечьимъ лицомъ. На рукахъ у нея кандалы; на нарахъ одна только шубейка изъ сѣрой овчины. Блювштейнъ ходитъ по камерѣ изъ угла въ уголъ, и кажется, что все время нюхаетъ воздухъ, какъ мышь въ мышеловкѣ, и выраженіе лица у нея мышиное. Глядя на нее, не вѣришь, что еще недавно это была красавица, очаровывавшая своихъ тюремщиковъ, какъ въ Смоленскѣ, гдѣ надзиратель помогъ ей бѣжать и самъ бѣжалъ вмѣстѣ. На Сахалинѣ, въ первое время, какъ и всѣ присылаемыя туда женщины, Блювштейнъ жила внѣ тюрьмы, на вольной квартирѣ, но вѣдъ-мала бѣжать, для чего нарядилась солдатомъ. Пока она находилась на свободѣ, въ Александровскомъ посту было совершено нѣсколько преступленій: убили лавочника Никитина, ограбили поселенца еврея Юрковского на 56,000 руб. Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ подозрѣвалась и обвинялась „Золотая ручка“, какъ прямая пособница или сообщница. Однако, мѣстная слѣдственная власть запутала и ее, и себя такою густою

объѣду всякихъ несообразностей и ошибокъ, что изъ дѣла рѣшительно ничего нельзя понять. Во всякомъ случаѣ, 56,000 р. не найдены, хотя отъ этого положеніе Блювштейнъ ничуть не лучше.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ устроился на Сахалинѣ другой извѣстный преступникъ, бывшій гвардейскій офицеръ Л., осужденный лѣтъ двѣнадцать назадъ петербургскимъ окружнымъ судомъ за убійство. Онъ, оказывается, уже отбылъ каторгу, и теперь занимается торговлею, исполняя въ то же время разныя порученія официального характера, за что получаетъ жалованье старшаго надзирателя. Л. женился на свободной изъ дворянокъ, которая служитъ фельдшершею въ тюремной больницѣ. Лавочка Л. носитъ громкое названіе: „Торгово-коммисіонный складъ“, и тамъ продаются звѣздочки къ погонамъ, рахаты-лукумъ, пины поперечныя, серпы, „шляпы дамскія, лѣтнія, самыя модныя, лучшихъ фасоновъ, отъ 4 р. 50 к. до 12 р. за штуку“.

Г. Чеховъ зашелъ случайно въ лавочку, и пока торговался съ приказчикомъ, вошелъ самъ хозяинъ. Онъ былъ въ шелковой жакеткѣ и въ цвѣтномъ галстукѣ. Они познакомились.

— Не будете-ли добры отобѣдать у меня? предложилъ Л.

Обстановка у бывшаго гвардейскаго офицера оказалась комфортабельною. Вѣнская мебель, цѣлты, американскій аристонъ и гнутое кресло, въ которомъ Л. качался послѣ обѣда. Кромѣ хозяйки, въ столовой находились еще четверо гостей, мѣстныхъ чиновниковъ. За обѣдомъ подавали супъ, цыплятъ и мороженое, рассказывали анекдоты. Было и вино.

Послѣ обѣда Л. игралъ на аристонѣ.

Какъ видите, можно и на Сахалинѣ жить недурно.

Однако, возвратимся къ Александровской ссыльно-каторжной тюрьмѣ. Лѣтомъ, въ хорошую погоду, тюрьма вентилируется превосходно: окна и двери открываются настежь, и арестанты большую часть дня на дворѣ, или далеко отъ тюрьмы. Зимой же и въ дурную погоду, т.-е. почти десять мѣсяцевъ въ году, приходится довольствоваться только форточками и печами. Кромѣ того, наименьшее скопленіе каторжныхъ въ тюрьмѣ бываетъ лѣтомъ, когда они командируются въ округъ на дорожныя и полевые работы, и наибольшее—осенью, когда они возвращаются съ работъ, и пароходъ привозитъ новую партію въ 400—500 человекъ, остающихся въ Александровской тюрьмѣ до распредѣленія по остальнымъ тюрьмамъ. Такимъ образомъ, при неудобной вентиляціи, въ тюрьмѣ находится больше всего арестантовъ.

Что изъ этого происходитъ, видно изъ разсказа г. Чехова. Съ работъ, производимыхъ чаще въ ненастную погоду, каторжный возвращается въ тюрьму въ промокшемъ плащѣ и въ грязной обуви. Часть одежды развѣшиваетъ онъ около наръ; другую, не давъ ей просохнуть, подстилаетъ подъ себя, вмѣсто постели. Тулупъ его издаетъ запахъ овчины, обувь пахнетъ кожею и дегтемъ. Бѣлье, пропитанное насквозь кожными отдѣленіями, не просушенное и грязное; портянки съ удушливымъ запахомъ пота; самъ онъ, давно не бывшій въ банѣ, полный вшей, курящій деше-

вый табакъ, постоянно страдающій метеоризмомъ; его хлѣбъ, мясо, соленая рыба, которая тутъ же вялится, остатки щей въ котелкѣ; клопы, давящіеся руками,—все это дѣлаетъ каторженный воздухъ вонючимъ, промозглымъ, кислымъ; онъ насыщается до такой степени водяными парами, что во время морозовъ стекла оконъ и покрываются толстымъ слоемъ льда, и въ камерѣ становится темно. Словомъ—происходитъ то, отъ чего, по словамъ надзирателей, „душу воротить“...

Причина такого ужаснаго гигиеническаго состоянія тюрьмы, какъ справедливо замѣчаетъ г. Чеховъ, лежитъ въ системѣ общихъ камеръ. При этой системѣ соблюденіе чистоты въ тюрьмѣ невозможно, и гигиена никогда не выйдетъ изъ тѣсной рамки, какую ограничили для нея сахалинскій климатъ и рабочая обстановка каторжнаго. Всѣ благія намѣренія мѣстной администраціи должны разбиться объ эту рамку. Приказывать каторжному, чтобы онъ не приносилъ на ногахъ грязи, не плевалъ на полъ и не разводилъ клоповъ — нельзя. Если въ камерѣ вонь или вѣтъ житія отъ воровства, или поютъ пиничныя пѣсни, — виноваты въ этомъ всѣ, то-есть никто. Г. Чеховъ спросилъ одного каторжнаго, бывшаго почетнаго гражданина:

— Почему вы такъ неопрятны?

— Потому, отвѣтилъ онъ,—что моя опрятность была бы здѣсь бесполезна...

Дѣйствительно, какую цѣну можетъ имѣть для каторжнаго личная чистота, если рядомъ съ нимъ лежатъ сосѣди, отъ котораго ползутъ во всѣ стороны насквозь и идетъ удушливый запахъ?

См. об. →

Кромѣ того, общія камеры советѣмъ исключаютъ возможность исправленія. Кругомъ идетъ свирѣпая картежная игра (съ разрѣшенія подкупленныхъ надзирателей), ругань, смѣхъ, болтовня, звонъ кандалъ, и т. д. Все это затягиваетъ какъ тина. Недаромъ говорится — съ волками жить, по волчьей и быть.

Въ числѣ таловъ, выработанныхъ общеою камерою, находится такъ-называемый майданщикъ. Официально, это — арестантъ, на обязанности котораго лежитъ выносить „парашку“ и слѣдить за чистотою. Въ дѣйствительности же, онъ — камерный кулакъ, скопидомъ и мошенникъ. За свои официальные обязанности, парашечникъ пользуется привилегіею „содержать майданъ“, т.-е. торговать сахаромъ, бѣлымъ хлѣбомъ, молокомъ и другими товарами, не входящими въ обиходъ арестантской жизни. Но это опять-таки для начальства. На дѣлѣ, майданъ — игорный домъ, арестантское Монте-Карло, развивающее въ арестантѣ страсть къ шоссю и другимъ азартнымъ играмъ. Около майдана ютится ростовщичество, жестокое и неумолимое. Тюремные ростовщики берутъ десять процентовъ въ день и даже за часъ. Не выкупленный въ теченіи дня залогъ поступаетъ въ собственность ростовщика.

Отбывъ свой срокъ, майданщики выходятъ на поселеніе, гдѣ не оставляютъ своего прибыльнаго промысла, и потому неудивительно, что на Сахалинѣ есть поселенцы, у которыхъ можно украсть 56,000 р. В. Л.